

DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-394-400

EDN: JUWBVF

Интервью

Феномен литературы Урала

А.А. Арзамазов¹ , Е.К. Созина²

¹Казанский научный центр Российской академии наук,
Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31

²Институт истории и археологии УрО РАН,
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, Россия

 arzami@rambler.ru

История статьи: поступила в редакцию 14.01.2023; принята к печати 14.03.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Арзамазов А.А., Созина Е.К. Феномен литературы Урала // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 394–400.
DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>

Interview

The Phenomenon of Ural Literature

Aleksey A. Arzamazov¹ , Elena K. Sozina²

¹Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
2/31, Lobachevsky st., Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation

²Institute of History and Archeology of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
620108, Yekaterinburg, st. S. Kovalevskoy, 16, Russia

 arzami@rambler.ru

Article history: received 14.01.2023; accepted 14.03.2023

Conflict of interests: none

For citation: Arzamazov, A.A., and E.K. Sozina. 2023. “The Phenomenon of Ural Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (2), 394–400.
DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-2-394-400>

На горизонте отечественной гуманитаристики не так часто появляются труды, приятно удивляющие одновременно своими масштабами,

© Арзамазов А.А., Созина Е.К., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

высотой замысла, глубиной исследования, гармоничным сосуществованием ученых из разных академических и университетских центров. К числу таких знаковых фундаментальных историко-филологических работ относится большой, содержательно сложный проект «История литературы Урала». Он включает в себя несколько томов и охватывает значительные временные периоды, пространственные границы и этнокультурные миры. Наш собеседник — один из идейных лидеров проекта, известный литературовед из Екатеринбурга, доктор филологических наук, профессор Елена Константиновна Созина.

АА: Елена Константиновна, изначально Вы — специалист по классической русской словесности. Каким образом в Вашей научной биографии случился «литературный» Урал? Каковы предпосылки такого «переключения»?

ЕС: Вообще-то в моей жизни бывали разные «сближения» и даже повороты, но всегда оставалось и некое постоянство — возможно, это судьба, не знаю. Так, дипломное сочинение об А.Л. Волынском, критике-декаденте, модернисте начала XX в., я писала у профессора Уральского госуниверситета И.А. Дергачёва (которого считаю своим учителем), причем в те годы это был непростой шаг — можно сказать, вызов. Работала я в разных местах, и до кафедры русской литературы — на кафедре педагогики, психологии и частных методик УрГУ. И кандидатская, и докторская диссертация, действительно, проходят у меня по русской классической литературе XIX в. Но И.А. Дергачёв — патриот своего края, один из зачинателей научного исследования истории литературы Урала — еще в годы начала моей педагогической деятельности привлек меня и некоторых других своих аспирантов или бывших студентов к этой очень специфической области науки — изучению региональной литературы. Тем более что в 1980-е гг. на базе Уральского университета была создана целая программа «Духовная культура Урала», куда входила и программа комплексного исследования литературы региона. Тогда работа была только начата, но не продолжена, ибо вскоре началась перестройка. В 1991 году И.А. Дергачёв умер, его дело попытался продолжить Ю.А. Мешков, также профессор нашего университета, но он вскоре уехал в Тюмень, и все остановилось. Лишь ближе к середине 2000-х гг. академик В.В. Алексеев, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН, решил возобновить прерванную эстафету, каким-то образом руководство Института вышло на меня, и собравшаяся творческая группа из исследователей-преподавателей создала небольшой план-проспект по истории литературы Урала (Екатеринбург, 2005). Мы начали проводить научные конференции «Литература Урала: история и современность», собирать исследователей со всей страны, таким образом, колесо закрутилось быстрее прежнего. Однако я бы не стала отделять региональную литературу от общероссийской и национальной, это все звенья одной цепи.

АА: Какое место Урал как самобытное художественное пространство занимает в истории русской литературы? На Ваш взгляд, для русского писателя / читателя это в большей степени terra incognita или один из важнейших символических центров культуры, ее ключевых метафизических хронотопов?

ЕС: Мы об этом много думали и продолжаем думать, ибо хотя теперь, как кажется, всей нашей общественностью признана важность *научного* (подчеркиваю: не просто краеведческого) изучения региональной литературы, до сих пор подчас возникают вопросы и сомнения: насколько Уральский регион одарен самостоятельной литературно-художественной традицией, можно ли ее отделять от общерусской и общероссийской литературы, на каких основаниях и т.п. Вот также и с Уралом. Традиционно считается, что Урал, как сказал поэт, — «опорный край державы», он славен прежде всего железом, самолетами и тракторами, в общем, своим пролетарско-рабочим прошлым, еще не совсем ставшим историей. Сюда привозили крестьян со всей Российской империи (Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Три конца» это хорошо изобразил), наш Екатеринбург строился как «горный город» (в XVIII в. — один на всю Россию), и понятно, что в те времена людям было не до изящной словесности. Но заметим, что в истории крайне редко бывают периоды, когда людям больше нечем заняться, как только искусством, культурой, всегда есть дела поважнее, и тем не менее, вопреки объективной необходимости и сугубо материальным запросам искусство и культура живут и развиваются. Так и у нас в регионе: приезжим нужна была словесность, нужны были книги — благодаря им люди духовно приживались на чужой земле, тем более что здесь существовали самобытные этнические традиции автохтонных народов, и с ними взаимодействовала русская культура пришлых, переселенцев. Собственно литературный процесс на Урале начал развиваться лишь во второй половине XIX в. — до того существовали немногочисленные культурные центры и «гнезда». Д.Н. Мамин-Сибиряк ввел Урал как полноправного участника в литературное и культурное пространство России, хотя свои писатели и поэты здесь были и раньше, но культурной среды, некоего духовно-энергетического потенциала не хватало, чтобы совершить рывок вперед и вдаль, к сердцу России. А у Мамина-Сибиряка всего этого хватило, он очень любил свой Урал, хотя в поздние годы и уехал жить в Петербург. Вот интересный парадокс, сохраняющийся до сих пор: уезжают те, кто любит это место и считает его своеобразным центром «своей» вселенной. Уезжают, любят и помнят. А сегодня Урал, конечно, ключевой «хронотоп», достаточно вспомнить, сколько и каких авторов он «произвел на свет» в последние годы, как «засветился» на литературной карте страны.

АА: Может ли идти речь об историко-культурном, мировоззренческом единстве Урала? Или Урал — несколько искусственно собранные «множественные миры»?

ЕС: Создавая свою академическую историю литературы Урала, мы стремились и стремимся рассматривать его как целостный, хотя весьма не однородный регион. Здесь исторически сложилась целая сеть различных культурных традиций: «горнозаводская цивилизация», известная всем по выступлениям писателя А. Иванова (хотя термин ввел в 1920-е гг. пермский профессор П.С. Богословский), казачья культура южных территорий, географически близкая ей степная культура тюркских народов того же Южного Урала, особые субкультуры лесных народов удмуртов, коми, манси. Неслучайно географ М. Крылов назвал наш Урал «регионом-страной». Историко-культурное единство, я считаю, есть, а вот говорить о мировоззренческом единстве сегодня сложно, да и всегда было непросто: какое единство взглядов может быть у мастеровых и хозяев завода? Хотя что-то их все равно объединяло — гордость за свой завод, за свое дело, а у рабочих — то, что сказано Мандельштамом: «Есть блуд труда — и он у нас в крови».

АА: Если говорить о невидимых культурных границах... Где, по Вашему мнению, начинается и заканчивается Урал? Совпадают ли его «внешние» границы с «внутренними»?

ЕС: Мы обычно говорим о «Большом Урале», границы которого исторически подвижны и далеко не всегда совпадают с административным картографированием региона. Тем более что духовные или внутренние границы — понятие весьма относительно. В духовном плане, на мой взгляд, границ вообще нет и быть не может. «Уральцем» может себя ощущать и человек, живущий в Лондоне, например, я так воспринимаю Олега Дозморова, хотя, возможно, он скажет иначе. Но культурные границы, наверное, есть, хотя это примерно то же, что вопрос об уральской идентичности: трудно уловить, потрогать, трудно выразить вербально. Однако в сравнительном аспекте эти границы ощутимы: между Уралом и Волго-Вятским регионом, Уралом и Сибирью. Люди разные, их характеры, привычки, даже иногда образ жизни, природа разная, а она оказывает формирующее влияние на национальный характер.

АА: Есть ли основания в научно-гуманитарном плане актуализировать тему уральской идентичности? Кого из живших и творивших на Урале писателей Вы бы назвали ее ярким выразителем? Кто наиболее полно, оригинально смог художественно раскрыть, представить дух этой земли?

ЕС: Да, уральская идентичность существует — как и идентичность любой другой локальности, относительно целостной и осознающей себя. Е. Колтоновская в статье 1913 г. в связи с творчеством Мамина-Сибиряка так писала об особой породе «уральцев»: «Там люди прочные, закаленные в борьбе с суровой природой и всякими невзгодами. Смешанный состав населения, происшедшего от всякого рода протестантов, религиозных и общественных, создал особенную породу людей. К славяно-русской расплывчатости и мягкости история примешала новую уравнивающую черту: выдержку и упорство». Она же отметила различие двух граничащих регионов — Урала

и Сибири: «Сибирь — отрезанный ломоть, у нее свой прочно сложившийся уклад, и сибиряки его ревниво оберегают, гордясь Сибирью и не стремясь в Россию. А Урал — это перепутье; у него, пожалуй, больше общего с Россией, чем с Сибирью, там даже “травка старается перебраться в Рассею”». Урал — это действительно регион-медиатор, когда-то бывший фронтиром. Перейти «через Камень» — говорили землепроходцы в прежние времена. Свои «посреднические» функции Урал сохраняет и сегодня, что не отменяет его особенности. Кто выразил уральскость ярче всего? Да тот же Мамин-Сибиряк и несколько раньше писавший «горнозаводские романы» Ф.М. Решетников (правда, его нынче почти не читают: труден для восприятия); обязателен в этом ряду П.П. Бажов — настоящий «гений места»; из современных авторов — Алексей Иванов, в исторических романах замечательно показавший освоение региона; наш екатеринбургский поэт и писатель Майя Никулина, оставившая об Урале несколько поистине кодовых фраз («Камень, пещера, гора», «Урал — это камень» и «Урал — это угры и арии»); Юрий Казарин с замечательными стихами: «Теперь не уступлю ни пеклу, ни потоку / моей души рабочий монастырь, / мой азиатский дом с воротами в Европу / и огород с простором на Сибирь»; Николай Коляда — драматург, писатель, основатель новой школы «уральской драматургии», директор и режиссер своего уникального театра; Виталий Кальпиди, живущий в Челябинске и придумавший сначала Уральскую поэтическую школу, а потом Уральское поэтическое движение, дружно подхваченное нашей поэтической братией; ценю поэзию Влада Шихова из Ижевска — очень тонкая, даже порой изящная лирика. Да много их, всех не перечислишь, хотя надо бы. (Вот Бориса Рыжего не назвала — а как без него и Уралу, и Екатеринбургу?)

АА: Осуществленный при Вашем непосредственном «дирижировании», состоящий из нескольких книг труд «История литературы Урала» без преувеличения — один из наиболее значительных и знаковых в отечественной гуманитаристике научно-исследовательских проектов современности. С чего все началось и чем должно закончиться?

ЕС: С чего все началось, я сказала выше, а чем должно закончиться — еще двумя томами, посвященными истории нашей литературы XX и начала XXI в.

АА: С какими проблемами Вы, авторский коллектив столкнулись в ходе написания, реализации «Истории литературы Урала»?

ЕС: Проблем много, не исчерпались они и сейчас. Коротко назову: во-первых, трудно найти сведущих авторов-исследователей, которые за мизерную оплату или вовсе без оной занимались бы исследованием своего участка нашей большой литературной территории. Это прежде всего исследовательская работа, она требует нетривиальных знаний, любви к краю, умения и желания изучать его историю, сидеть в архивах и библиотеках и т.д. и т.п. Многого требует. И умения писать, конечно

же! Таких исследователей выращивать нужно долго, они штучны, это долгая и кропотливая работа, которой в наше время не очень много желающих заниматься, мягко говоря; во-вторых, материально-финансовые трудности: нужны командировки, нужно дополнительное время, деньги на оплату труда. Наш Институт истории и археологии идет нам навстречу и частично оплачивает труд исследователей, не являющихся постоянными сотрудниками института. Но, например, получить грант на региональные исследования от общероссийских фондов (а из них остался, по сути, один — РНФ) чрезвычайно трудно, последний раз года два назад даже о Мамине-Сибиряке, к его 170-летию, нашу заявку не поддержали. В общем, все здесь очень непросто.

АА: Насколько, на Ваш взгляд, актуально создание подобных параллельных проектов на примере других историко-культурных зон, регионов?

ЕС: Я думаю, все равно актуально, несмотря на трудности. Есть мнение, что время коллективных проектов прошло, многие удивляются и буквально дивятся нашей работе. Сейчас исследователи в основном работают на особицу, на баллы, на Скопус и ВОС. Но гуманитарная наука, да и любая другая, нуждается в таких проектах: нужна общность, чувство локтя, защита и выражение «своего» дела и своего места. Собираение таких масштабных коллективных исследований позволяет по-другому оценивать себя и свой вклад в науку, в культуру своего региона и своей страны. Ты видишь иначе и себя, и коллег, и свой труд, и место, землю, где живешь и хранителем памяти которой ты выступаешь.

АА: Какую роль в «Истории литературы Урала» играют национальные литературы? Можно ли заключить, что художественное пространство Урала — это перекрестье языков, культур, картин мира?

ЕС: Урал — полиэтничный регион, буквально «котел» народов, причем особых споров, конфликтов, тем более вооруженных, в его истории не так уж много, они происходили лишь на заре освоения территории русскими пришельцами. А уж более мирных народов, чем удмурты и коми, мне кажется, и найти трудно. Национальные литературы для нас не менее, а может быть, и более важны, чем литература русская, ведь они здесь прорастали, это их земля, их почва. Поэтому наша задача — показать все литературы в их самостоятельной цельности и ценности и во взаимодействии с другими традициями, не обязательно русскими, но и финно-угорскими, тюркскими, возможно, и иными. За время нашего совместного труда мы очень сдружились, и как можно дальше работать без В.М. Ванюшева, А.В. Камитовой, В.А. Лимеровой, П.Ф. Лимерова, М.Х. Надергулова — я даже не представляю. (Здесь тоже назвала не всех.)

АА: Вы и как исследователь, и как редактор, организатор научной работы неоднократно обращались к текстам и контекстам, представляющим национальные литературы. Как стороннему наблюдателю какой Вам

представляется художественная реальность удмуртской, коми, башкирской литератур? Может ли она быть интересной для большой русскоязычной (мировой?) читательской аудитории?

ЕС: Я не очень хорошо знаю современную художественную литературу наших народов, XX век в написании истории словесности Большого Урала у нас еще впереди. Но из того, что знаю, мне очень интересны все наши литературы и многие литераторы: совершенно оригинальные фигуры коми писателей и поэтов Ивана Куратова, Каллистрата Жакова, Геннадия Юшкова, удмуртских авторов — моих любимых Ашальчи Оки и Кузубая Герда, Флора Васильева, башкирских и татарских — Мустая Карима, Мусы Джалиля, Мажита Гафури; а северные писатели, появившиеся ближе к концу прошлого века?! Анна Неркаги, Еремей Айпин, Юван Шесталов... Это все неумирающая классика, их будут читать долго, думаю — всегда.

Сведения об авторах:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Созина Елена Константиновна — доктор филологических наук, профессор, заведующий центром истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН. E-mail: elenasozina1@rambler.ru
ORCID 0000-0002-7462-4153

Bio Notes:

Aleksey A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Elena K. Sozina is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Center for the History of Literature, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: elenasozina1@rambler.ru
ORCID 0000-0002-7462-4153